

РѢЧЬ

прочитанная

27 мая 1899 г. на литературно-
музыкальномъ вечерѣ
въ Ревельскомъ городскомъ театрѣ

въ память

А. С. ПУШКИНА.

РЕВЕЛЬ, 1899.

Печатано въ тип. Ю. Г. Гресселя.

РѢЧЬ

прочитанная

27 мая 1899 г. на литературно-
музыкальномъ вечерѣ
въ Ревельскомъ городскомъ театрѣ

въ память

А. С. ПУШКИНА.

РЕВЕЛЬ, 1899.
Печатано въ тип. Ю. Г. Гресселя.

Дозволено цензурою. — Ревель, 3 Юня 1899 г

Тип. Ю. Г. Грессега, Ревель.

Est-A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

16389

Къ столѣтію дня рожденія А. С. Пушкина.

То лѣтъ тому назадъ, весною того самаго 1799 года, когда имя Россіи было на устахъ всякаго мало-мальски просвѣщеннаго европейца, когда слава русскаго героя Суворова, поразившаго міръ своими удивительными подвигами въ Италіи и Швейцаріи, гремѣла во всей Европѣ, въ то самое время въ Москвѣ, въ домѣ полу-француза-барина Сергѣя Львовича Пушкина родился ребенокъ, которому впослѣдствіи суждено было присоединить къ давно уже опредѣлившейся и упрочившейся военной славѣ Россіи, славу культурнаго совершеннолѣтія народа, получившаго теперь, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, право занять мѣсто въ пантеонѣ героевъ мысли и слова, достойныхъ благодарной памяти народовъ.

Если бы позволено было дѣлить исторію народа на періоды, характеризуюя и опредѣляя ихъ отношеніемъ къ нему его сосѣдей, то я раздѣлилъ бы исторію Россіи такимъ образомъ:

Россію допетровскую западная Европа почти совсѣмъ не знаетъ, а потому относится къ ней съ полнымъ пренебреженіемъ или даже презрѣніемъ; Россію 18-го и начала 19 вѣка уже знаютъ, но знаютъ со стороны ея военныхъ успѣховъ и политическаго могущества; Россія — новѣйшаго времени выступаетъ на судъ Европы съ плодами духовной и умственной дѣятельности лучшихъ своихъ сыновъ, выступаетъ на международное поприще науки и искусства; — эта Россія начинаетъ вызывать къ себѣ уваженіе истинно просвѣщенныхъ, непредубѣжденныхъ европейцевъ.

Если-бы нужно было точнѣе опредѣлить время, съ котораго начинается этотъ послѣдній періодъ нашей исторіи, періодъ духовнаго совершенствія, когда перестаютъ питать пренебреженіе къ намъ и страхъ предъ нами, и когда начинаютъ относиться къ намъ съ уваженіемъ, мы невольно вспоминаемъ имя того человѣка, сотую годовщину дня рожденія котораго сегодня торжествуетъ не только Россія, но, смѣемъ думать, и всѣ тѣ, для кого сила и значеніе народа опредѣляется не только количествомъ штыковъ и броненосцевъ, но тѣми вѣчными дарами духа, тѣми вѣчными идеями, которыя вноситъ народъ въ человѣчество и тѣмъ способствуетъ нравственному совершенствованію человѣчества.

Нѣтъ больше древней Эллады, той Эллады, которая уничтожила чудовищную персидскую армію, нѣтъ міроваго царства Александра Македонскаго,

тоже Элина, но сохранились въ памятникахъ искусства художественныя идеи этого народа, сохранилась его философія, послужившая камнемъ основанія новой науки; палъ и древней Римъ, нѣтъ и слѣдовъ этого дѣйствительнаго въ свое время orbis terrarum; но живъ еще Римъ въ тѣхъ юридическихъ формахъ, на коихъ зиждется гражданственность всѣхъ цивилизованныхъ странъ. А теперь вспомните міръ романско-католическій, вспомните средневѣковое католичество съ его творческою силою, которая руководила фантазією величайшихъ художниковъ: — поэтовъ, музыкантовъ, зодчихъ, живописцевъ, — руководила волей народовъ и ихъ вождей, создавая грандіозныя массовыя движенія ради идеи — вспомните Клермонтскій соборъ, Данта, Паллестрину, Буанаротти, Рафаэля. . . . Но это же католичество къ концу 15 вѣка уже носило въ себѣ зародыши внутренней болѣзни, и вотъ послѣдній католикъ, въ средневѣковомъ смыслѣ, германецъ Лютеръ сбрасываетъ съ себя узы римской опеки, дѣлается поборникомъ освобожденія духовной личности человѣка, со всею страстностью неофита выступаетъ со своимъ протестомъ и мало-по-малу ведетъ за собою сначала міръ нѣмецкій, а потомъ и міръ германскій; тотъ міръ, который подарилъ человѣчеству такими гениями, какъ: Шекспиръ и Гете, Кантъ, но и . . . Ницше, въ ученіи котораго о „сверхчеловѣкѣ“ нельзя не видѣть естественной и органической эволюціи тезисовъ Лютера.

Теперь обратимся къ міру славяно-русскому. Что же онъ внесъ, и внесъ ли уже свою міровую идею въ духовную жизнь народовъ? . . . Не будемъ увлекаться; проникнемся одною изъ самыхъ симпатичныхъ чертъ характера нынѣ чествуемаго великаго поэта — скромностью, не тою скромностью и смиреніемъ, которыя „паче гордости“, а скромностью человѣка честно сознающаго и признающаго свои истинные достоинства и недостатки. Эта скромность заставляетъ насъ сказать: нѣтъ — ясно и опредѣленно это „новое слово“ міру еще не сказано, но есть уже данныя, которыя даютъ намъ возможность и право предугадывать, въ чемъ это новое слово будетъ заключаться, и ключъ къ уразумѣнію этихъ данныхъ, между прочимъ, представляетъ собою характеръ генія Пушкина, генія, который Достоевскій называлъ „пророческимъ“.

Такъ какъ истинная поэзія есть отображеніе духовной жизни, т. е. отображеніе всего того лучшаго, духовнаго, божественнаго, ради чего живетъ человѣкъ и народъ, что даетъ смыслъ его жизни, то нѣтъ поэтому лучшаго критерія для опредѣленія нравственнаго идеала народа, чѣмъ его поэзія — какъ художественная, такъ и народная въ тѣсномъ смыслѣ. И пока между поэзією художественною и народною нѣтъ духовной гармоніи, пока у той и другой идеалы различные, до тѣхъ поръ поэзія не можетъ быть зеркаломъ народнаго духа. Въ такомъ положеніи

находилась русская художественная поэзія вплоть до Пушкина; только через Пушкина, который въ своихъ геніальныхъ произведеніяхъ какъ бы претворилъ всю сущность народнаго духа, мы стали понимать, кто и что мы такое; прежнее самомнѣніе послѣ Пушкина уступило мѣсто здоровому самосознанію. Вотъ это-то здоровое самосознаніе и даетъ намъ право нѣсколько приподнять завѣсу таинственнаго будущаго и понять то въ поэзіи Пушкина, что Достоевскій назвалъ „пророческимъ“.

М. г. и г.! со смерти Пушкина и до нашего времени въ печати появилось около пяти тысячъ сочиненій о Пушкинѣ. Пусть этотъ внушительный фактъ послужитъ мнѣ оправданіемъ, если я не справлюсь со своей задачей, если вы не найдете мои мысли достаточно ясными, убѣдительными и полными. . . .

Въ чемъ же заключается особенность генія Пушкина? Достоевскій такъ ее опредѣляетъ: — это способность всемірной отзывчивости и полнѣйшаго перевоплощенія въ геніи чужихъ націй, перевоплощенія почти совершеннаго, которое онъ раздѣляетъ со всеѣмъ народомъ нашимъ, который заключаетъ въ душѣ своей эту склонность ко всемірной отзывчивости и ко всепримиренію. Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ такою силой геній чужого, сосѣдняго, можетъ быть, съ ними народа, духъ его, какъ могъ это проявлять Пушкинъ.

Напротивъ, обращаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по своему. Припомнимъ Карамзинскій отзывъ о французской классической драмѣ: „вездѣ греки и римляне à la française“; а развѣ „Орлеанская дѣва“ Шиллера французженка? Пушкинъ одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполне въ чужую національность. Приведемъ примѣры.

Вотъ „Египетскія ночи“ переносятъ насъ въ среду древняго римскаго міра, одряхлѣвшаго, холоднаго къ жизни и все еще жаждущаго наслажденій. „Египетскія ночи“ говоритъ Бѣлинскій — это воскресшій, подобно Помпеѣ и Геркулануму, древній міръ на закатѣ его жизни. Дальше „Скупой рыцарь“, сцена изъ „Фауста“, баллада „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“ раскрываютъ намъ міръ среднихъ вѣковъ, міръ рыцарей и феодальныхъ рабовъ. Про „Донъ-Жуана“ говоритъ Достоевскій, что если бы подъ этимъ произведеніемъ не было подписи Пушкина, то всякій бы подумалъ, что это написано испанцемъ. То же самое можно сказать про сцену „Пиръ во время чумы“, въ которой слышится геній Англіи. Правда, Пушкинъ самъ называетъ свое произведеніе переводомъ съ англійскаго, но это звучитъ, какъ шутка: такъ мало общаго между переводомъ и подлинникомъ.

И не только міръ индо-европейскій вопло-

щается въ геніи Пушкина, въ его всеобъемлющей, всечеловѣческой душѣ находятъ отзвукъ даже національности азіатскія: рядомъ съ религіознымъ мистицизмомъ англійскаго пуританина у Пушкина умѣщаются религіозныя же строфы изъ корана, отъ которыхъ такъ и вѣетъ простодушною величавостію вѣры и грозною, кровавою силою ея. А вотъ „Галубъ“ — развѣ это не чеченецъ, которому непонятны, которому ненавистны всѣ не чеченскія формы общественной жизни, который признаетъ святою и безусловно-истинною только чеченскую мораль?

Нечего и говорить, что такая способность Пушкина всецѣло уходить въ духъ чужой народности, такъ претворять въ себѣ духовныя свойства другого народа, не въ меньшей мѣрѣ обнаруживается и въ изображеніи имъ своей народности. Позвольте мнѣ въ подтвержденіе сказаннаго передать одинъ весьма любопытный случай изъ писательской дѣятельности Пушкина.... Нашъ поэтъ, живя въ Псковской губерніи былъ ревностнымъ собирателемъ сокровищъ народной поэзіи. Около 1830 года онъ доставилъ извѣстному нашему собирателю народныхъ русскихъ пѣсенъ, Кирѣевскому, замѣчательную тетрадь пѣсенъ. Въ это собраніе онъ шутя вставилъ пѣсню, написанную имъ самимъ; и такой знатокъ народной поэзіи, какъ Кирѣевскій, не былъ въ состояніи отличить подражаніе отъ оригинала.

Но какой же цѣны эта способность Пушкина

Напротивъ, обращаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты чаще всего перевоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по своему. Припомнимъ Карамзинскій отзывъ о французской классической драмѣ: „вездѣ греки и римляне à la française“; а развѣ „Орлеанская дѣва“ Шиллера французженка? Пушкинъ одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполне въ чужую національность. Приведемъ примѣры.

Вотъ „Египетскія ночи“ переносятъ насъ въ среду древняго римскаго міра, одряхлѣвшаго, холоднаго къ жизни и все еще жаждущаго наслажденій. „Египетскія ночи“ говоритъ Бѣлинскій — это воскресшій, подобно Помпеѣ и Геркулануму, древній міръ на закатѣ его жизни. Дальше „Скупой рыцарь“, сцена изъ „Фауста“, баллада „Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный“ раскрываютъ намъ міръ среднихъ вѣковъ, міръ рыцарей и феодальныхъ рабовъ. Про „Донъ-Жуана“ говоритъ Достоевскій, что если бы подъ этимъ произведеніемъ не было подписи Пушкина, то всякій бы подумалъ, что это написано испанцемъ. То же самое можно сказать про сцену „Пиръ во время чумы“, въ которой слышится геній Англіи. Правда, Пушкинъ самъ называетъ свое произведеніе переводомъ съ англійскаго, но это звучитъ, какъ шутка: такъ мало общаго между переводомъ и подлинникомъ.

И не только міръ индо-европейскій вопло-

щается въ геніи Пушкина, въ его всеобъемлющей, всечеловѣческой душѣ находятъ отзвукъ даже національности азіатскія: рядомъ съ религіознымъ мистицизмомъ англійскаго пуританина у Пушкина умѣщаются религіозныя же строфы изъ корана, отъ которыхъ такъ и вѣетъ простодушною величавостію вѣры и грозною, кровавою силою ея. А вотъ „Галубъ“ — развѣ это не чеченецъ, которому непонятны, которому ненавистны всѣ не чеченскія формы общественной жизни, который признаетъ святою и безусловно-истинною только чеченскую мораль?

Нечего и говорить, что такая способность Пушкина всецѣло уходить въ духъ чужой народности, такъ претворять въ себѣ духовныя свойства другого народа, не въ меньшей мѣрѣ обнаруживается и въ изображеніи имъ своей народности. Позвольте мнѣ въ подтвержденіе сказаннаго передать одинъ весьма любопытный случай изъ писательской дѣятельности Пушкина.... Нашъ поэтъ, живя въ Исковской губерніи былъ ревностнымъ собирателемъ сокровищъ народной поэзіи. Около 1830 года онъ доставилъ извѣстному нашему собирателю народныхъ русскихъ пѣсенъ, Кирѣевскому, замѣчательную тетрадь пѣсенъ. Въ это собраніе онъ шутя вставилъ пѣсню, написанную имъ самимъ; и такой знатокъ народной поэзіи, какъ Кирѣевскій, не былъ въ состояніи отличить подражаніе отъ оригинала.

Но какой же цѣны эта способность Пушкина

перевоплощаться въ другія національности, которую онъ, какъ уже сказано, раздѣляетъ со всѣмъ русскимъ народомъ? Есть ли это достоинство? или эта способность ассимиляціи, какъ ее презрительно называютъ иностранцы, есть только способность подражать и является признакомъ болѣе низкой степени духовнаго развитія народа, не способнаго къ самостоятельной творческой дѣятельности. Вѣдь есть люди, которые это утверждаютъ. Но — едва ли такое утвержденіе нуждается въ опроверженіи. Нѣтъ, не культурную несамостоятельность и слабость, а великую нравственную силу нужно видѣть въ этой способности. Тотъ, кто, какъ Пушкинъ могъ такъ войти въ положеніе и даже въ душу человѣка другого міра, тотъ не могъ въ то же самое время не чувствовать къ нему симпатическаго, любовнаго влеченія; ибо понять человѣка, войти въ его положеніе значитъ примириться съ нимъ, простить ему, сдѣлаться другомъ его, полюбить его. А потому само собою разумѣется, что такое всепримиреніе и всепрощеніе у Пушкина исключаетъ всякую возможность не любовнаго или даже враждебнаго отношенія поэта къ какой-либо народности, исключаетъ возможность проявленія національнаго антагонизма, національной обособленности и исключительности. И вотъ въ этомъ то и заключается вторая, высоко-гуманная черта поэзіи нашего великаго поэта. Пушкинъ былъ свидѣтелемъ войны Россіи со Швеціей, двухъ турецкихъ войнъ,

польскаго возстанія и наконецъ — онъ былъ современникомъ великой отечественной войны; и что же? Въ то время какъ его предшественники, начиная съ религіознаго Ломоносова и кончая женственнымъ Жуковскимъ, настраиавшихъ свою лиру по французскому или нѣмецкому камертону, нерѣдко восиѣвають въ надутыхъ риторическихъ одахъ побѣды „Россовъ“, у Пушкина мы находимъ только два стихотворенія, и то далеко не изъ лучшихъ, стихотвореній воинственно-патріотическаго характера, относящихся къ польскому возстанію: это „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская годовщина“. Но и въ этихъ стихотвореніяхъ мы напрасно стали бы искать непріязненныхъ чувствъ къ нашимъ беспокойнымъ братьямъ; мы тамъ скорѣе находимъ справедливое негодованіе на безнравственное разжиганіе страстей „народными витіями“, извѣстными въ наше время болѣе подъ названіемъ шовинистовъ, на темной совѣсти которыхъ лежитъ не одно политическое осложненіе, подчасъ съ кровавою развязкой. Отношеніе же Пушкина къ самимъ полякамъ лучше всего обнаруживается въ стихотвореніи, съ которымъ нашъ поэтъ обращается къ Мицкевичу:

Онъ между нами жилъ,
Средь племени чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. . . .

Но теперь:

Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,

Поэтъ онъ ненависть: издалека
 Знакомый голосъ злобнаго поэта
 Доходить къ намъ! О Боже! возврати
 Твой миръ въ его озлобленную душу.

Какъ же отразилась великая эпопея 12, 13, 14 годовъ въ поэзіи Пушкина? Правда, поэтъ въ то время былъ еще юношей, но юношей какихъ мало. И что же? Лишь въ 1815 году появляется извѣстное стихотвореніе „Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“ въ которомъ впервые Пушкинъ отозвался на великія событія отечественной войны, но какъ отозвался? 12 строфъ этого стихотворенія наполнены все тою-же трескучею шумихою безъ искренняго чувства, которыми отличались, блаженной памяти, оды ложно — классической эпохи; не даромъ это произведеніе привело въ восторгъ старика — Державина. Но и среди этой трескотни есть нѣсколько стиховъ, въ которыхъ уже слышится миролюбіе позднѣйшаго Пушкина. Вотъ она:

..... новый вѣкъ узрѣлъ
 И брани новыя и ужасы войны:
 Страдать — есть смертнаго удѣлъ.

И дальше:

Герой съ улыбкой примиренья
 Грядетъ съ оливою златой;
 И онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье
 И благотворный миръ землѣ.

Въ томъ же самомъ году, въ стихотвореніи „На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа“ опять раздается радостный голосъ поэта:

Утихла брань племенъ;
 Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ . . . .
 На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ . . . .

Можно было бы привести десятка полтора стихотвореній Пушкина, въ которыхъ такъ или иначе затрогивается вопросъ о войнѣ, и во всѣхъ нихъ какъ Leitmotiv, повторяется мысль:

.... и мнръ землѣ и радость небесамъ ....

Да, Пушкинъ признавалъ войну „страшною необходимостью“, но никогда опъ ее не превозносилъ, никогда война, или вѣрнѣе, успѣхи военные не вызывали въ немъ чувства тщеславія, а пораженія — неприязненнаго чувства къ противнику; для него противникъ только противникъ, а не врагъ. Вотъ подлинныя слова Пушкина по вопросу о войнѣ и патріотизмѣ. „Я могу быть патріотомъ, не ненавидя другихъ народовъ; почему любовь къ родинѣ обязываетъ меня ненавидѣть все то, что находится по ту сторону Таурогена? Слова эти были сказаны въ опроверженіе мысли Вольтера, что патріотизмъ требуетъ отъ насъ ненависти къ другимъ народамъ.“

И дальше:

„Да еслибъ ненависть сказывалась въ войнѣ, то она была бы еще ужаснѣе, чѣмъ она есть, а она и такъ страшная необходимость. Если чувство ненависти проявляется въ войскахъ — это плохой знакъ, такъ какъ тогда къ патріотизму примѣшивается народное тщеславіе. Слава Богу, порокъ этотъ не свойственъ ни русскому народу, ни русскому войску.“ Какъ не вспомнить тутъ нашего старика богатыря — крестьянина Илью

Муромца, который, вернувшись съ боя съ „нахвальщикомъ — жидовиномъ“, только и сказалъ, что

Бздиль въ полѣ тридцать лѣтъ,
Экаго чуда не наѣзживаль.

Прекраснѣе всего народъ выразилъ свой взглядъ на хвастливость и гордость воинскими успѣхами въ чудной былинѣ о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри. Въ этой былинѣ разсказывается, какъ богатыри, упоенные только что одержанною побѣдою надъ силою „которой доброму молодцу не объѣхать, сѣрому волку не обрыскать“ возгордились до того, что захотѣли даже выйти въ бой съ силою „не здѣшнею“. И тутъ же явилось двое небесныхъ воителей, которые сказали:

„а давайте съ нами, витязи, бой держать“.

Результатомъ же этого боя было, что

Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры,
Какъ побѣжить витязь къ горѣ, такъ и окаменѣть,
Какъ побѣжить другой, и окаменѣть . . . .
Какъ побѣжить третій, такъ и окаменѣть . . . .
Съ тѣхъ поръ и перевились витязи на святой Руси.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны, со стороны отсутствія національнаго самолюбія, кичливости, со стороны христіанскаго братства и смиренія мы видимъ полную гармонію лиры нашего великаго поэта съ общимъ настроеніемъ поэзіи народной. Да и могъ ли мыслить и чувствовать иначе поэтъ, который такъ высоко ставилъ

призваніе поэта — божественнымъ глаголомъ жечь сердца людей, поэта, который вмѣстѣ со своимъ народомъ такъ любилъ ту чудную молитву, которую повторяетъ священникъ „во дни печальные великаго поста“, и которая заканчивается словами:

Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви
 И цѣломудрія мнѣ въ сердце оживи.

И такъ, если мы въ поэзіи Пушкина, перваго и разносторонняго выразителя народнаго русскаго міровозрѣнія, захотимъ найти отвѣтъ на поставленный нами въ началѣ нашей бесѣды вопросъ: что же внесетъ и уже вноситъ русскій народъ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей — въ кругъ тѣхъ вѣчныхъ идей, которыми живетъ человѣчество — мы можемъ смѣло отвѣчать: — единеніе, братство и миръ, тотъ миръ, о которомъ возвѣщали еще Ангелы въ Вифлѣмѣ, и котораго до сихъ поръ напрасно жаждетъ бѣдное человѣчество.

М. г. и г. Въ настоящіе дни взоры всего міра обращены на скромную столицу Нидерландовъ, гдѣ по великодушной инициативѣ нашего Царя, собрались представители почти всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся государствъ для изысканія средствъ къ сокращенію ужасныхъ вооруженій послѣдняго времени и для обезпеченія всеобщаго мира. . . .

Многіе относятся къ Гаагской конференціи съ недовѣріемъ и скептицизмомъ, доходящимъ

до не желанія благопріятнаго рѣшенія разбираемыхъ въ Гаагѣ вопросовъ. . . . Пусть такъ, пусть даже, дѣйствительно, мирный конгрессъ на этотъ разъ не оправдаетъ возлагаемыхъ на него надеждъ, но пока наша земля будетъ рождать сыновъ, подобныхъ Пушкину, этому великому проповѣднику мира и примиренія, до тѣхъ поръ въ человѣчествѣ не исчезнетъ вѣра въ возможность вѣчнаго мира, вѣра, что настанетъ же то блаженное время, когда обновленное человѣчество возгласитъ:

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ“.

В. И. Жемчужинъ.

Est.
A-10857

16389

Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

20 коп.

